ЯКУБ КЕМАЛЬ

Тюрко-татарская рукопись XIV в. "Нехджу - ль - ферадис".

(Начало в предыдущем номере)

По содержанию Нехдж-уль-Ферадис носит характер биографический سر النبی *Sir en-nebi*, проповеднический и исторический. Автор пользуется различными достоверными источниками ислама и дает в прекрасной, принятой в то время литературно-структурной форме обширные и всеобъемлющие знания об исламе простым и понятным для всех языком. Книга, составленная в такой форме, являлась наиболее близкой и отвечающей психологии тюркского народа, особенно благодаря приведенным в ней историческим эпизодам и житейским примерам, иногда очень близким к действительной жизни.

Таким образом, всякий тюрк-мусульманин, который прочел Нехджу-ль Ферадис, получал полное и цельное представление об исламе; поэтому эта книга была распространена среди городских и степных тюрков и охотно читалась и переписывалась при жизни автора в области волжского бассейна.

Подобно сочинению «Мухаммедие», которое было написано и распространено в XV–XVI веке среди южной группы тюрков, занимая здесь второе место после Корана, также и Нехджу-льФерадис занимало, по видимому, такое место в золотоордынских центрах, где оно распространилось и завоевало место в каждом тюркском юрте.

Нахождение различных рукописных экземпляров Нехдж-уль-Ферадис в разных отдаленных друг от друга мусульманских странах, как в Египте, в Крыму и на Волге, подтверждает наше предположение о широкой распространенности этой книги.

Одновременное нахождение в 1928 году двух экземпляров книги Нехджу-ль Ферадис, известной до того только по названию, дополняющих в основном тексте друг друга, но совершенно различных по диалектическим особенностям и потому представляющих из себя каждый в сущности уникум – обогащает ряд памятников тюркского литературного языка и освещает темный период средне-азиатской письменности XIV века.

Изучение языка нашей рукописи может способствовать разъяснению важных вопросов о происхождении литературных языков османского, азербайджанского, казанско-татарского, крымско-татарского и средне-азиатских туркменов.

Необходимо отметить, что оба найденные памятника выделяются из группы других старинных тюркских, доселе найденных рукописей своей ясностью и отчетливостью, не оставляющих сомнений в их правильной, как языкового памятника, интерпретации, что еще в большей степени увеличивает их значение.

Наш список рукописи появился на свет при золотоордынском хане Берди-Беке, сыне Джани-Бека, и, прежде чем отнести его к какой-либо группе средне-азиатского тюркского литературного языка, необходимо установить, что именно понимается современными тюркологами под именем этого средне-азиатского языка.

Профессор Самойлович указывает, что общепринятое применение термина «чагатайский» является слишком расширенным и неопределенным. Радлов и Корш понимают под именем чагатайского языка тот средне-азиатский литературный язык, который пришел на смену уйгурскому.

Проф. Копрюли-Заде определяет чагатайский язык как восточно-турецкий литературный язык, возникший и утвердившийся вслед за завоеваниями Чингиза под влиянием исламской культуры, и относит к нему произведение XIV века «Мухаббет-наме», как, хотя и принадлежащее к золотоордынской области, но написанное, по его мнению, на местном языке.

Проф. Самойлович оспаривает это утверждение Копрюли-Заде и указывает, что «Мухаббет-наме» не только свидетельствует о существовании местных турецких литературных деятелей в Золотой Орде в XIV веке, но и доказывает наличие в Джучиевом улусе и во входившем в него Хорезме литературного языка с явными отражениями местных золотоордынских диалектов – языка, значительно отличного поэтому от чагатайского и относящегося к эпохе, когда чагатайский язык в Чагатайском улусе не обнаруживал еще заметного развития.

Анализируя литературные памятники XII –XIV веков, как источники различных литературных языков, как средне-азиатско-турецкого, казанско-татарского, крымско-татарского, А.Н. Самойлович приходит к выводу, что было бы правильнее признавать единый средне-азиатско-турецкий (а не чага-

тайский или восточно-турецкий) литературный язык исламской эпохи и установить внутри этого языка несколько периодов его развития. Центром первого периода проф. Самойлович называет Кашгар; второй период имел центры в бассейне нижнего течения Сыр-Дарья и в Хорезме; к третьему периоду относится ряд центров в оседлой части Чагатайского улуса, и к этому именно периоду и применяется название «чагатайского».

Для определения, к какому имеино типу турецкого литературного языка относится Нехдж-уль-Ферадис, представляется необходимым произвести анализ его словарного материала по сравнению с таковым же произведением Мухаббет-наме, как написанным почти в это же время (754г.) в Хорезме, входившим в состав Джучинского улуса, а также привлекая к сравнению словарный материал произведений, примыкающих к нему по времени и типу языка, извлеченный проф. Самойловичем для его сопоставлений, а именно памятника XIII века «Кысса-и-Юсуф» Али, романа Кутба «Хосрев и Ширин» XIV века (неизданная рукопись Национальной парижской библиотеки).

Мы приводим здесь по тексту проф. Самойловича список слов извлеченных им из вышеназванных литературных памятников, а также у других авторов, и параллельно отмечаем нахождение этих же слов в рукописи Нехдж-уль-Ферадис.

Проф. Самойлович обозначает «Каз» – «Кысса-и-Юсуф» в казанском изд. 1311г. х. «Вг.» – сочинение Prof. Carl Brockelmann: «Ali's Quissa' i Yusuf, der älteste Vorläufer der osmanischen Literatur».

1. آری *ari* – чистый (304 a; Каз. آرو *aru* – 36,44). «Ары» Радловым (1,266) отмечено для куманского, кумандинского и османского, «ару» (1,228) для диалектов северо-западной группы, в том числе для куманского, крымского, казанско-татарского. По чагатайски آریق، آریغ, *arıq, arığ* (Сул. Бух. 10; Паведе-Куртейль 16). Махм. Кашг. (1,61) – арыг آریغ *arığ*. Таким образом второе слово для эпохи обоих памятников можно признать кыпчакско-огузским. «Хосрев и Ширин» дает это слово в том же выражении, что и «Мухаббет-наме» کوهردین آری *gevherdın arı*.

Нехджу-ль Ферадис дает это слово по-кашгарски и по-чагатайски

آریغ لیك باك لیك سنکا تورور ، آریغ لیق بیرلا حق تعالی قا یتشغیل

arığlik paklik seña turur, arığlıq birle Haq ta'alâqa yetişğıl (стр 203).

2. آش *aş* – пища (291b; Каз. 12,54). Махм. Кашг. (1,76). Радлов (1,583). У нас это слово и глагол этого слова встречается: طعام نی آشاتورلار *ta'amnı aşaturlar* (стр. 257) آش تقی بشمادی مطبخا *aş taqı pişmadı mutbaha* (339).

3. آشنو *aşunu* – прежде (304b; Br. 46); судя по метру, читалось «ашну» Махм. Кашг. (1,117). Радлов (1,601) по Кут-Бил. И Рабг. Араб-Филолог. Чагатайские словари этого слова не отмечают. Встречается в «Хосрев и Ширин».

Это слово у нас написано без медда, مد *medda* над элифом, одной фетхой

آتاسی عبدالله بیغامبر دوغما دین اشنو وفات بولوب *atası Abdullah, peyğamber doğmadın aşnu vefat bulub* (стр. 4).

4. اوجاخ ، اوجق *ucmah, ucmaq* – рай (240a, 307b; Br. 50). Махм. Кашг. (1,107), Радлов (1,1732). В «Хосрев и Ширин» встречается и начальный, согдийский вид этого слова: اوجتماح *uçtımah* (XV, 62). Диван Секкаки (Rieu. T., p. 284) اوشماح *uçtımah* (5a, 6 сн).

В нашей рукописи встречается во многих местах только в начальной согдийской форме. ینا اوجتماح قا تفرج قیلوبور ارکان *yana uçtımahqa teferruç qıluyur erkän* (стр. 156).

5 اوش *oş* – вот (292a; Каз. 12,21). Махм. Кашг. (1,40). Радлов (1,1148). Араб-Филолог. Из чагатай ских памятников встречается только в ранних XV в., например, у Атаи, Секкаки. В словаре «Абушка» нет. Имеется в «Хосрев и Ширин».

В Нехджу-ль Ферадис часто встречается

اوش کلکانیم ایمدی تورور *oş kelgenim imdi turur* (стр. 242).

6. اوکوش *öküş* – много (295 a; Br. 51). Махм. Кашг. (1,199), Радлов (1,812). «Хосрев и Ширин» Секкаки (12a, 1 сн).

Встречается у нас очень часто, например, в переводе стиха Корана.

" إذ أعجبتكم كثرتكم " اول وقت کیم سیزلارکا خوش کلیب تورور اردی اوکوش لونکونکوز

«İzza icabitikim kevseratkum» ol vaqıt kim sizlârgâ hoş kelib turur erdi öküş oñunuz (стр. 179). اوکوش زحمت تیکورماسی ، اوکوش قذغوردی *öküş zahmet tigürmas, öküş qazğurdı (8)*

7. اولغ *uluğ* – великий (290 b; Br. 12, § 14) в отличие от «ары» слово формы северо-восточной или юго-восточной, в частности уйгурской и позднее – чагатайской.

У нас встречается очень часто,

اوجتماح اهلی نینك خاتون لاری نینك اولوغی *uçtımağ ehliniñ*

hatunlarınıñ uluğı (стр. 375), а также образованный из него глагол: وربك فكبر " تتكبر نكبنى اولوغ لاغيلو *«ve rabbike fekber» vetañıñnı uadiñniy uluğlağil.*

8. ايگو *iygü* – хороший, добрый (292a, 595b; Br. 10-11, § 10). Радлов (1,659) äiri в куманском, äri (1,698) у луцких караимов. Араб-Филолог. В этой форме слово должно быть признано огузско-кыпчакским. В «Мухаббет- наме» слово ايگو *iygü* встречается исключительно в соединении со словом آت *at* «имя», и я склонен считать это соединение старым традиционным средне-азиатско-турецким литературным выражением, ибо мы встречаем его и в «Кудатгу-билиг» (1817 – 1825 – 196 – 2010), и в «Хосров и Ширин».

انيس بو اذكو آت عالم دا مشهور

بولوب تولدى بو اوچماح ايچره اول حور

«Enis" – bu ezgü at alemde meşhür. Bulub toldı bu ucmah icre ol hür. гл.VIII, стих. 10:

بولوب خشنود شاه اول خدمتيندين

ازون تولدى اينك اذكو آتيندين

Bulub hoşnud şah ol hıdmetindın. Ajun toldı anıñ ezgü atındın. гл. XII, стих. 25:

Это слово ايگو *iygü* в нашей рукописи употребляется в кашгарской форме

اذكو اعمال بيانى ايچيندا تورور

(2) اذكو قليق ليق اوكوش طاعت ليغ حليم سوزلوك

ezgü a'mâl beyanı içindä turur (2) ezgü qılıqlıq öküş ta'atlığ, halim sözlük (382).

9. آيماق *aymaq* – говорить (292a, 293b; Каз. 3,40). М.К. (1,152). Радлов (1,9) «Хосрев ве Ширин».

В Нехдж-уль-Ферадис встречается постоянно .

10. بولماق *bulmaq* – находить (292b, 299a, 303a, 313b; Br. 47). Это слово является одним из наиболее крупных словарных отличий произведений Хорезми и Али от памятников чагатайской литературы, в которых ему обычно соответствует глагол «тап», встречающийся в «Мухаббет наме» только два раза. Глагол «бул», известный языку орхонских надписей, уйгурскому и языку «Кудатгу-билиг», встречается также в «Хосрев ве Ширин» и у «Араба-Филолога», а из современных живых диалектов – в анатолийско-турецком и крымском. В «Кысса-и Юсуф», как и в «Мухаббет наме» глагол «бул» встречается чаще, чем «тап».

Нехджу-ль Ферадис, в которой понятие «находить» встречается очень редко, в этих случаях употребляет глагол «тап» هيچ بتيك تمادى *hiç bitik tapmadı (стр.317).*

11. تون *tün* – вчера (219b; تون اقشم *tün aqşam* Каз.,5: دونه *düne*). Без наращения «д» слово это имеет значение «вчера» еще в сойотском (Радлов III,1548), в анатолийско-турецком и крымском (Радлов, III,1803 – 4); в двух последних известно и выражение «дюн ахшам» – «вчера вечером». Секкаки (83a, 2сн). Это же слово в «Мухаббет-иаме» значит и «ночь» (279b).

В нашей рукописи فحج الفراديس *«Nehc-ul Faradis»* имеет значение – «ночь»

بو بيش نمازى تون كون ادا قيلماق (143)

دوهنبه توني وفات بولدى (244)

bu biş namazı tünkün eda qılmaq (143) düşenbe tüni vefat buldı (244),

а также употребляется глагол этого слова:

بير كيجا امام شافعي رحمه الله خذمتيندا

تونا دم تون تونك اوجدا بيرنكاتكى نماز قيلدى

bir kiça imam Şafiy Rahmatullah hızmetinde tünedim. Tünnıñ üçda biringa teki namaz qıldı. (стр 472)

12. تيكمه *tigmä* – всякий (302; Br. 52);

ني بيلور قدرينكيزني تيكمه نادان ***

كهر قدريني اعمى بيلماس اى جان

ni bilür qadriñizni tigme nadan Güher qadrini a'ma bilmâs, ey can.

В данном случае слово имеет, может быть значение «простой, простак» (ср. Радлов, III,1656: «обыкновенный, неважный»). Хоутсма перевел это слово в одном стихе «Кысса-и-Юсуф» словом «der Thor».

Встречается в «Хосров и Ширин».

У нас это слово: تيكما *«tigmâ»* обозначает: «всякий», а также «обыкновенный», «неважный»

تيكما بير قبيله دين بير يكيت جيقا 42

تيكما بير بيغامبرينك قولداشى بار 293 بو خلافت ايشى

اينكان كوجاى ايش تورور بو ايش كا انديشه سيز كير كان كيشى

اوكوش ندامت بيكاى هم كيشى مونى قيلو بيلماكاى تيدى (стр 345)

tigmâ bir qabiledin bir yigit çıqa (42) tigmâ bir peyğamberniñ qoldaşı bar (293) bu hilâfet işi ingân kucay işi turur bu işgâ endişesiz kirgân kişi öküş nedamet yegây hem taqı tıgma kişi munı bilmâgây tidi (345).

13. تيكين *tigin* – до (292b; Каз. 3 ديكين *digin*). Это слово встречается и у чагатайских поэтов, например, Секаки (8b, 4сн.), Неваи (Паве-де-Куртейль, 264; Абушка, 191), имея разновидность ديكين *digin* (Абушка, 262).

Это слово تيكين *tigin* у нас употребляется

تقی اول کیجا آجلیق زحمتی بیرلا .
ایرتاکا تیکی صبر قلدی لار (стр.337)

taqı ol kica açlıq zahmeti birlâ irtägä tigi sabır qıldılar (стр. 337).

14. تیکورماک (*tigürmâk* – доставлять (297a, Br. 48). «Хосрев и Ширин».

В Нехджу-ль Ферадис встречается

مبارك ایلکینی اول قوی نونك ییلیکینکا
تیکورمیش اردی (стр 48) حق تعالی نینك
فرمانینی تیکورونك تیدی 205

mübârek ilginı ol qoynuñ yiliginä tigürmiş irdi (48) Haq ta'alânıñ fermanını tigüruñ tidi (205)

15. دوداق *dudaq* – губы (304a; Каз. 34). Начинаясь звонким «д», слово это должно относится к огуз ским. Оно встречается у Рабгузи (изд. Ильминского, (246) یوقارو دوداق *yuqaru dudaq*) и у чагатайских писателей-поэтов.

У нас это слово написано через «т»

آغزیم غا تفکوردی آندآغ کیم مبارك توتاقی مینم آغزیم غا تکدی

ağzımğa tüfkürdi andağ kim mubarek tutaqı minim ağzımğa tigdi

16. قات *qat* – сторона (229a; Br. 22, § 38). Махм. Кашг. (1,269) отмечает это слово в значении предлога «при», как огузское. Оно встречается в этом значении и у чагатайских авторов معراجنامه *«Mi'rac name»* стр. 11, в Codex Comanikus, а из современных диалектов – в крымском, караимском, казанско-татарском и османском (Радлов, II,275).

Нехдж-уль-Ферадис обозначает «при»,

تقی آخشام یاتسیغ آراسیندا ابو ایوب
أتاسی قاتینغا کلدی لار (стр.57) خلایق
قتیندا غاز قیلورلار 163

taqı ahşam yatsığ arasında Ebu Eyyub atası qatınğa keldiler (57), Halayıq qatında namaz qılurlar (163), а также употребляется для обозначения

آلتنجی قات کوك قبوغینکا تکدوك 131

altıncı qat kök qabuğıñâ tikdüñ (131).

17. قموق *qamuq* – все (292b; Бр. 19, § 14: قمو *qamu*). В отличие от слова اولغ *ulug* в данном слове, как и в ряде других (قاتیق *qatuq* – 290b, قوروق *quruq* – 290b, قابوق *qabuq* – 304a) конечному «гъ» языков орхонских надписей, Кут-Бил., Рабгузи, словаря Махм. Кашг. (1,314) соответствует «къ». случаи конечного «къ» вместо «гъ» отмечены и в списках «Кысса-и-Юсуф».

(Продолжение следует)

Подготовили: *Усеинов Кемал*
Киримов Таир

Терджиман

Начало в предыдущем номере

1886

Безземельные татары и вакуфные земли.[1]

С самого начала издания «Переводчика» мы от времени до времени упоминали о безземельном татарском населении полуострова и указывали между прочим на свободные вакуфные земли для отвода их на известных условиях под поселение хоть части безземельных мусульман. С тем большим удовольствием поместили мы в предыдущем номере сведения «Московских ведомостей», что в правительственных сферах возбужден вопрос о регулировании отношений безземельных к владельцам земли. На этот раз можем передать в виде слуха, что лица, озабоченные положением бедных татар и интересующиеся целесообразным вакуфным хозяйством, обсуждают вопрос ходатайства о поселении безземельных татар на вакуфных землях с условием определенного платежа в пользу вакуфа. Как бы там не было, нельзя не радоваться, что вопрос об обустройстве быта татар становится как бы на очередь. Нам очень лестно, что предмет этот занимает нас с самого начала издания и, как видно, заслуживал полного внимания.

4-е апреля. **С сентября прошлого года** по настоящее время, работая совершенно без сотрудников и по необходимости отвлекаясь также наблюдением за типографией, мы кое-как успевали выпустить по два номера в неделю. При всей трудности и сложности дела, мы могли бы продолжать его, но к сожалению, по причине не зависящей от нашей воли, вынуждены выпускать

1 Вакуфные земли – (*рел.*) земли,изъятые из гражданского оборота и отказанные государством на религиозные или благотворительные цели.